В. Л. Романов

КОРРУПЦИЯ КАК ПРЕДЕЛЬНАЯ АНОМАЛИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ И ГОСУДАРСТВЕННО-ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ*

Основным результатом политики и государственного управления в современной России провозглашается достижение стабильности общественных отношений. Для этого суждения есть основания, поскольку действительно устойчиво сформировалось в массовом сознании понимание необратимости перехода российского общества в новый, «постсоциалистический» вектор развития, стала более определенной конфигурация партийно-политической системы, укрепились финансовые возможности государства и статус страны в мировом сообществе.

Однако не относится ли эта стабильность в основном к институту государственной власти, утратившей свою силу в начальном периоде «радикальной реформы»? Судя по нынешним публичным высказываниям высших государственных деятелей о насущных проблемах общества, признать состоявшейся стабилизацию общественных отношений в целом весьма затруднительно. Состояние, в котором находится современное российское общество, точнее можно назвать квазистабильным, а еще точнее — неустойчиво равновесным. Иным это состояние в настоящее время и не может быть, поскольку общество, продолжая свое сложное становление в условиях радикальной социальной трансформации, пока не обрело силы устойчивого противодействия негативным факторам, которые продуцирует социальная самоорганизация. В такой ситуации и достигнутая стабильность государственного института не может быть устойчивой: *стабильно сильное государство возможно только в стабильно сильном обществе*. В ситуации дисбаланса состояний стабильности государства и общества патологии общественного организма неминуемо будут дестабилизировать государственный институт, который, утрачивая свою устойчивость, в порядке обратной связи усилит патологии общества.

РОМАНОВ
Вячеслав Леонидович — доктор социологических наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ (Москва).

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект 07-06-00289).

Рассмотрим генезис такого рода государственно-общественных отношений на примере ситуации распада СССР и системного кризиса российского общества на первом этапе его трансформации.

Характерная особенность этой ситуации — ее революционность. Казалось бы незыблемая стабильность государственно-партийной системы Советского Союза была существенно подточена отчуждением этой системы от общества, напряжение в котором в связи с этим возросло до критического предела. Недовольство «низов» при невозможности «верхов» изменить положение — классическая революционная ситуация, в которой никакой стабильности по определению быть не может. Нашлось и необходимое (по В. И. Ленину) для свершения революции третье звено — организующая сила, представленная переродившейся партийно-управленческой верхушкой и группой лиц ультралиберальной ориентации. Кредо революционеров-первореформаторов: «Невмешательство государства в дела общества, дорогу бизнесу!». В части, относящейся к государству, это кредо реализовано с перевыполнением. Институт обеспечения правопорядка в обществе был фактически разрушен. Результат известен — СССР распался, неконтролируемая государством («дикая») социальная самоорганизация ввергла Россию в глубочайший системный кризис, который и поставил ее на грань распада.

Выдвигая гипотезу обвальной дисфункции государства как пускового фактора дезорганизации общества, коллектив ученых РАГС при Президенте РФ провел исследование состояния государственной службы, которая оказалась на осевой линии разлада отношений между государством и обществом («во всем виноваты чиновники»). Предметом исследования выступили аномалии состояния государственной службы, являющиеся ключевыми компонентами среды, порождающей и поддерживающей самую опасную патологию государственно-общественных отношений — коррупцию.

Анализу полученных результатов серии эмпирических социологических исследований предпошлем обоснованное нами модельное представление функционального значения государственной службы в системе государственно-общественных отношений.

Выбор государственной службы как объекта исследования исходит из данного законодателем ее определения как вида деятельности, обеспечивающего реализацию полномочий органов государственной власти. Обыденная трактовка этого лаконичного положения, как правило, порождает представление об инструментальном предназначении государственной службы. Имеющиеся для этого основания: направленность, характер и конкретное содержание реализации полномочий органов государственной власти — определяются политическим «верхом». В этом

контексте государственная служба действительно может быть представлена в качестве исполнителя политического заказа. Отсюда — восприятие госслужбы как «инструментального придатка государственной политики» и соответствующее отношение к деятельности государственных служащих: «делай что приказано».

Корректировка этого представления может состояться, если рассматривать государственную службу в значении функциональной компоненты (подсистемы) системы государственного управления. Ее функции определяются в соответствии с алгоритмом управленческого цикла в форме рекурсивного процесса движения аналитической информации от проблем граждан и их сообществ с ее подъемом к субъекту принятия решения и обратно. Таким образом, реализуются следующие функции:

1. Информационно-аналитическая функция, имеющая целью диагностику происходящих в обществе процессов (выявляются факты социально-деструктивных отклонений или признаки их формирования, исследуются причины и условия их генезиса, изучаются спонтанно образующиеся факторы противодействия социальным деструкциям).
2. Проектно-нормативная функция, реализующая задачу разработки проектов решений государственных органов по профилактике, социально-экономическому регулированию или властной нейтрализации социально-патологических отклонений.
3. Нормативно-постановляющая функция, осуществляемая госслужащими в процессе принятия законодательных, постановляющих и распорядительных актов на уровне полномочных в этом отношении органов государственной власти.
4. Организационно-исполнительная функция, имеющая целью организацию исполнения решений органов государственной власти. Она включает в себя постановку конкретных служебных задач, расчет необходимых для их решения сил и средств, активизацию и координацию деятельности исполнителей, обеспечение социально-управленческих коммуникаций и т. д.
5. Социально-контрольная функция — осуществление контроля исполнения гражданскими структурами государственных нормативных и распорядительных актов, оценка происходящих в обществе изменений в связи с исполнением решений государственных органов и общей динамики состояния социального организма.

В таком представлении государственная служба выступает в роли информационно-коммуникативного органа государства, фактически формирующего и выражающего государственно-общественные отношения в процессе государственного управления. В соответствии с этим положением любые отклонения (аномалии) в

реализации названных функций госслужбы являются источником дестабилизации системы государственного управления и, следовательно, отношений общества к государству.

Аномалии государственной службы начинаются с нарушения открытости государственно-общественных отношений. Это происходит в условиях, когда:

а) государство всесильно и тотально контролирует социальные и экономические процессы, навязывая обществу свои проекты деятельности, что приводит фактически к отсутствию гражданской свободы. Власть служит себе и ставит на службу государству все общество;
б) государство подчиняется воле экономически доминирующей части общества (например, олигархов) и обслуживает ее интересы;
в) государство бессильно и рассчитывает на спонтанное формирование порядка в обществе. В этой ситуации государственный институт вынужден дистанцироваться от общества, закрываться от него и обслуживать самого себя, ограничиваясь имитацией социально-управленческой деятельности.

Смещение приоритетов государства в сторону самообслуживания или службы олигархической верхушке общества радикально меняет как формы, так и содержание служебного процесса, что проявляется, прежде всего, в процессе строительства государственного аппарата. Структуры органов власти формируются не как средство реализации функций, продуцируемых проблемами общества, а как опорные образования государственной системы, определяющей те функции, которые необходимы для ее самосохранения. При этом структура превалирует над функцией, когда организационные системы решают другие задачи, нежели те, для решения которых они созданы, превращая цель в средство, а средство в цель, создавая тем самым основу организационной патологии.

Следует отметить, что доминирующее значение структуры избыточно усиливает естественно ей присущие и необходимые для нормального функционирования системы свойства. Будучи по своей природе необходимо консервативной, структура становится фактором, сдерживающим любые изменения организации. Являясь совокупностью формальных должностных статусов и межстатусных связей, она блокирует их наполнение непредписанными ролями, формализуя поведение служащего, что становится необходимостью для внутреннего порядка в системе, наделяет его своими свойствами, превращая в механического исполнителя заданных программ. Таким образом, власть структуры превращает рациональную бюрократию в ее аномальную форму — *бюрократизм*, являющийся генерализованной патологией административной системы.

В условиях смещения государственно-служебной цели и бюрократизации управления функции системы государственной службы становятся также аномальными. При этом информационно-аналитическая функция либо превращается в средство тотального контроля социальных процессов в интересах власти, либо становится самоцелью в процессе имитации социального управления. Проектно-нормативная деятельность приобретает характер нормативного оформления воли верхов.

При такой девиации функций утрачивается потребность в профессионализации служащих, ориентированной на знание человека, в процессах социальной самоорганизации, в умении диагностировать состояние общества и его систем, творчески подходить к разработке и применению технологий преодоления социальных аномалий. В этих условиях профессиональное пространство служащего ограничивается сферой бюрократизированных внутриструктурных отношений. Актуализируется интерес к стандартным технологиям управления и службы, которые позволяют уменьшить риск ответственности. При этом возрастает значение умения руководителей подчинять («управлять человеческими ресурсами»), а специалистов — подчиняться («служить начальнику»). Результатом этих переориентаций является *депрофессионализация государственной службы* как социально-организационного института.

Обюрокрачивание служебных отношений и эманация профессионализма формируют специфические для такой среды нормы поведения служащих. Жесткие рамки административных стандартов и правил ограничивают свободу человека в выборе способа жизни и деятельности. Организованная таким образом государственная служба не привлекает людей, креативных по натуре, реализующих себя в творческом поиске, ориентированных на социальное служение. В этих условиях выходом могут стать: 1) развитие активности по преодолению ограничений и нахождение себя в этом своеобразном бунтарстве, что, естественно, подавляется системой; 2) уход со службы; 3) приспособление к требованиям структуры, результатом которого становится двойная мораль или полное подчинение морали системы.

Иное состояние присуще лицам, характер которых изначально совместим с условиями авторитарной морали. Для них нет проблемы выбора, они имманентно готовы реализовывать себя именно в аномальной среде, которая для них является в связи с этим нормальной. Они служат этой цели и «кормятся» службой. Чувство долга и социальной ответственности подменяется обязанностью службы за содержание (привилегии) и страхом санкции за отступление от обязанностей. К власти такие люди стремятся как к самоцели, которая позволяет им компенсировать внутреннюю несвободу и реализовать

себя в свободе отношений с подчиненными по службе или иным образом зависимыми людьми. Страстное стремление к власти, реализуемое всеми морально дозволенными и недозволенными способами, порождает серьезную аномалию государственной службы — *карьеризм*, следствием которого является деформация кадровой политики.

Названные аномалии потенцируют деформацию служебных отношений. В отношениях руководителей к подчиненным развиваются такие качества, как высокомерие, самоуверенность, всезнайство, барство, развязность, равнодушие к интересам сотрудников и т. п. Для подчиненных в отношениях с руководителями типичными становятся такие социальные девиации, как угодливость (до раболепия), подхалимство, соглашательство, трусливость, наушничанье. В отношениях равных по статусу сотрудников — конформизм, неискренность, зависть, агрессивное соперничество, групповщина и др.

Формируясь таким образом, служебная среда оказывается вне сферы продуктивного социального контроля. Это создает условия для распространения фактов злоупотребления властью, превышения полномочий, безнаказанного бездействия, предательства интересов службы. Эпидемическое распространение этих фактов формирует среду, питающую самую опасную для государства и общества аномалию — *коррупцию*.

В этимологическом словаре «коррупция» (от греч. *corrumpere*) определяется как «порча», начальное ее значение — «порча воды, расстройство желудка вследствие принятия недоброкачественной пищи». В античной Греции это понятие имело и социальный смысл — упадок нравов, расстройство порядка. В Древнем Риме под коррупцией понимался подкуп судьи. С XV–XVI вв. коррупцию стали определять как подкупаемость и продажность чиновников и общественно-политических деятелей. Это явление получило в указанный период необычайно широкое распространение.

Современное международно-правовое определение коррупции дано в комментарии к ст. 7 принятого Генеральной Ассамблеей ООН Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. В этом определении понятие коррупции включает в себя совершение или несовершение какого-либо действия при исполнении обязанностей или по причине этих обязанностей в результате требуемых или принятых подарков, обещаний или стимулов или их незаконное получение всякий раз, когда имеет место действие или бездействие.

В этой связи необходимо различать коррупционное действие и коррупцию как явление. Это различение принципиально важно при определении причин и условий коррупции, ее диагностике, а также при разработке и реализации противокоррупционных мер и оценке их результативности. Коррупционное действие — это

конкретный случай взаимодействия субъекта и объекта подкупа, процесс реализации их частных интересов, определяющий микроуровень коррупции. Коррупция как явление характеризуется совокупностью распространенных, устойчиво повторяющихся коррупционных действий, производимых и обусловленных общими в системах социального управления факторами. В этом аспекте коррупция может проявляться на мезоуровне, когда коррупционные отношения формируются локально, в определенных сферах деятельности, и на макроуровне — при тотальном поражении коррупцией национального и мирового сообщества.

Длительное время сохранения любого негативного социального явления непременно вызывает «привыкание» к нему и формирует отношение как к норме жизни. Такая опасность не исключена и в отношении коррупции. Об этом свидетельствуют периодически возникающие как в повседневной жизни, так и в высказываниях политиков предположения о целесообразности легализации подношений чиновникам со стороны граждан. Высказывается и научное мнение о полезности коррупции как «болевом» сигнале о неблагополучии в государственной деятельности, способе самозащиты граждан от произвола чиновников, о ее положительном значении в борьбе с дефицитом в процессе модернизации общества.

Очевидно, что сегодня в обществе сохраняются признаки индифферентного отношения части населения к фактам коррупции. Так, на вопрос «как относится большинство граждан к служащим, берущим взятки?» каждый третий из опрошенных ответил: «безразлично». Такое же отношение к коррупции и коррупционерам распространено и среди значительной части экспертов. По мнению 34% чиновников, служащие не осуждают своих коллег, замеченных во взяточничестве. Мотив следующий: если дают, нужно брать.

Приведенные данные, однако, не соотносятся с негативным отношением большей части населения к коррумпированным лицам: более 60% респондентов осуждают их открыто или относятся с неприязнью.

Результаты исследования общественного мнения об опасности, которую несет российскому обществу коррупция, не оставляют места суждениям о какой-либо примиренческой позиции в отношении к этому явлению. Предположение о том, что «коррупция — естественное явление и она не так уж опасна, как об этом говорят и пишут», практически не поддерживается (всего 4,7% ответов).

Согласно данным нашего исследования, наиболее чувствительный удар коррупция наносит государственной власти, подрывая ее устои и авторитет. «Власть становится зависимой от преступников» — так утверждает каждый второй из опрошенных граждан. Достоверность этого высказывания подтверждается мнением экс-

пертов (62% из числа государственных служащих и 75% — работников негосударственных учреждений). Соответственно отмечается падение авторитета государственной власти и доверия к ней населения (46% ответов респондентов и 38% утверждений негосударственных экспертов). Наиболее остро ощущают подобную угрозу государственные служащие (83%). Эта же группа экспертов (67%) указывает на то, что коррупция разрушает идею демократического, правового и социального государства. В этом усматривается прямая угроза основным правовым устоям российского общества, провозглашенным Конституцией Российской Федерации.

Коррупция увеличивает диспропорцию социальной структуры общества, усиливает имущественную дифференциацию граждан, социальную напряженность. «Богатые становятся богаче, бедные — еще беднее» — это мнение поддерживают около 40% опрошенных граждан. Согласно утверждениям респондентов (44%), это явление можно связать с созданием в результате коррупции благоприятных условий для «отмывания» средств, полученных преступным путем, и нарастанием бесправности граждан.

Высказываемая отдельными аналитиками надежда на то, что реформа ослабит разрушительное действие коррупции, очевидно, лишена основания, поскольку сама реформа чрезвычайно осложняется коррупционным процессом. На это указывает каждый пятый респондент и каждый второй эксперт из числа государственных служащих.

По мнению значительной части экспертов — представителей государственной и муниципальной службы (48% ответов), коррупция имеет в настоящее время чрезвычайную распространенность. Причем четко просматривается тенденция роста.

Исследование общественного мнения о характере распределения коррупционных действий по сферам деятельности показало, что население больше концентрирует внимание на необходимости неофициально вознаграждать чиновников государственных или муниципальных учреждений при решении ими вопросов, связанных с жизнеустройством. От 41 до 56% респондентов признались, что чаще им приходится это делать в процессе приватизации имущества, осуществлении ремонта квартиры, при поступлении в учебные заведения, получении квалифицированной медицинской помощи. Обращает на себя внимание факт признания населением высокой вовлеченности в коррупционные отношения представителей правоохранительных органов. Более 40% опрошенных свидетельствуют о распространенности взяточничества при техосмотрах автотранспорта и при решении вопроса о наказании за нарушение правил дорожного движения. Эти данные свидетельствуют о том, что население фиксирует свое внимание на «традиционных»

видах коррупционных действий, т. е. тех, которые в основном унаследованы от дореформенной системы государственно-общественных отношений.

Мнение экспертов большей частью отражает коррупционные процессы, зародившиеся в результате перераспределения собственности, перехода к рыночным отношениям. Основные болевые точки порождения коррупционных отношений находятся в сферах деятельности по предоставлению преимуществ при приватизации, распределению «быстрых денег» от коммерческого оборота средств государственного бюджета, оформлению разрешительных актов (лицензирование, наделение земельным участком, выдача виз и т. п.), заключению ущербных для страны, но выгодных для предпринимателей контрактов с зарубежными фирмами, распределению государственных заказов. Высокий «коррупционный рейтинг» имеют также виды деятельности, связанные с государственным контролем, лоббированием законопроектов, финансированием избирательных кампаний. В этом же ряду находится продажа конфиденциальной информации.

Интересен факт существенного расхождения мнений экспертов из числа государственных служащих — с одной стороны и управленцев негосударственных учреждений — с другой относительно коррупционного значения сферы установления и сбора налогов. Так, если эксперты первой группы признают эту деятельность коррупционно незначимой (13,5% заключений), то во второй группе мнение о ее высоком поражении коррупцией высказали 58%.

Несмотря на то, что население более озабочено необходимостью «задабривания» чиновников низкого ранга, наиболее пораженным коррупцией респонденты назвали высший (федеральный) уровень государственной власти (68% ответов).

Несколько по-иному отразили свое мнение на этот счет эксперты. На более высокий уровень коррупции в высших органах власти указал каждый третий из опрошенных, в то время как каждый второй эксперт отметил, что в коррупционных действиях все уровни государственной и муниципальной власти участвуют в равной степени.

Приведенные данные позволяют сделать следующий вывод: коррупционное пространство в настоящее время представлено практически всеми сферами государственно-общественных отношений. Наибольшей концентрации коррупция достигает в высших органах государственной власти, что обусловлено достаточно активным участием в ней среднего и нижнего уровней государственного и муниципального управления.

Очевидно, что в коррупционном действии участвуют две стороны: 1) должностное лицо, принимающее решение и готовое его продать; 2) гражданин, заинтересованный в этом решении и готовый его купить. От того, насколько

выражена обоюдная готовность, зависит интенсивность распространения коррупции.

Если исходить из теоретического представления об идеальной модели государственной службы, то ведущей стороной в сдерживании коррупции (отказ от коррупционных предложений) является чиновник. Как характеризует это состояние общественное мнение? Исследование этого вопроса дало, с нашей точки зрения, потрясающий результат (табл. 1).

Как видно из приведенных в таблице данных, готовность государственных служащих к подкупу, по единодушному мнению и населения, и экспертов, высочайшая: от 75 до 85% всех ответов относятся к оценочной градации «много». Ни один руководитель негосударственного учреждения не смог заявить, что в госаппарате есть служащие, не готовые к получению «подарка». В общественном сознании все больше утверждается мнение о том, что государственная служба практически полностью состоит из взяточников и коррупционеров.

Этот вывод несколько смягчается результатами исследования мнения населения об активности государственных служащих в реализации коррупционного потенциала. Так, на вопрос «попадали ли Вы в ситуацию, когда при обращении в государственный орган или учреждение Вам давали понять, что нужно “отблагодарить”?» 35% респондентов признали, что в такую ситуацию они попадали достаточно часто, 50% — редко, а 15% отрицали случаи соответствующих предложений.

В этой связи определенный интерес представляет мнение экспертов о причине неучастия какой-то части государственных служащих в коррупции. Практически каждый второй эксперт указал на влияние совести, каждый четвертый признал, что не берут те, которым не предлагают взяток. Примерно такая же часть связывает неучастие в коррупции с боязнью ответственности. С сожалением приходится

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Много ли, по Вашему мнению, государственных служащих, готовых за подкуп оказать услугу?»

Варианты ответов	Число ответов (%)		
	Население	Эксперты-служащие	
		государственные	негосударственные
Очень много	17,7	9,9	22,4
Достаточно много	62	64,5	62,1
Мало	6,3	15,6	12,1
Таких служащих практически нет	1,3	1,4	0
Затрудняюсь ответить	12,7	9,2	3,4

констатировать такую редко приводимую экспертами мотивацию, как корпоративная честь: не более чем один из десяти опрошенных указал на то, что коррупцию сдерживает нежелание дискредитировать государственную службу.

Не менее тревожны данные о готовности населения решать свои вопросы в государственных органах и муниципальных учреждениях посредством подкупа. На то, что при решении этих вопросов целесообразно предложить служащему какой-нибудь «презент» (подарок, денежное подношение, ответную услугу), указали 74% опрошенных.

Высокая коррупционная готовность граждан подтверждается мнением экспертов. До 80% государственных служащих признали, что готовых к совершению подкупа граждан «очень много» и «достаточно много». Такого же мнения придерживаются почти 90% экспертов из числа служащих негосударственных учреждений.

Следует отметить, что большинство экспертных заключений свидетельствует о том, что инициаторами взяток в равной мере являются и государственные служащие, и граждане. Высокая готовность обеих сторон к коррупции и встречная инициативность в реализации этой готовности поддерживают устойчивость коррупционного процесса и превращают его в систему, с которой крайне трудно бороться. Об этом свидетельствует и следующий факт: как в государственных органах, так и у граждан имеется негласная информация о том, за что, кому и сколько нужно «давать». О наличии таких сведений свидетельствуют до 80% всех категорий респондентов.

В этой связи важно подчеркнуть, что коррупция — явление, относящееся к категории рыночных отношений. Предметом купли и продажи (товаром) является действие (или бездействие) должностного лица, которое пользуется спросом потребителя. Спрос встречает соответствующие предложения со стороны субъекта управленческого решения (или услуги). Почему появляется спрос и возникает предложение? Какие условия способствуют возникновению коррупционных отношений? Ответы на эти вопросы являются базисными при разработке мер противокоррупционной защиты и государства, и гражданского общества.

В традиционном представлении решение проблемы преодоления коррупции преимущественно связывается с усилением репрессивных мер в отношении коррупционеров. Учитывая высочайшую социальную опасность коррупционных действий и, соответственно, их преступный характер, такие меры, безусловно, необходимы. Это признают более 40% наших респондентов. Но каково же реальное значение этих мер?

По мнению населения, роль правоохранительных органов в борьбе с коррупцией в настоящее время невелика. Однозначно отрицательную оценку эффективности противокоррупционной дея-

тельности милиции дал каждый третий из опрошенных. Несколько меньше респондентов (каждый пятый) указывают на беспомощность прокуратуры и суда. Не намного выше оценивается общественным мнением антикоррупционное значение государственных органов контроля (21%).

Но если бессильна власть, то, может быть, антикоррупционные надежды следовало бы связать с партиями, общественными движениями? Эффективность их деятельности в данном направлении оценивается гражданами еще ниже (13% положительных и 44% отрицательных ответов). Главная причина такого отношения может заключаться в слабости соответствующей социальной базы этих институтов.

Приведенные данные свидетельствуют не просто о пассивном отношении людей к коррупционерам и коррупции — они отражают состояние социального пессимизма, коллективного чувства безысходности, бессилия, что дает свободу действий любым силам, разрушающим общество.

В чем же видит население главные опорные силы в борьбе с коррупцией? Безусловный приоритет общественного мнения в антикоррупционном значении отдан закону (61%). Следующая важная составляющая противостоящих коррупции сил — забота государства о благополучии граждан (44%). Но главная, по мнению граждан, сила в борьбе с коррупцией — это воля и искреннее желание высшего руководства страны (35%).

Полномочия государственных органов и высокопоставленных должностных лиц обеспечивают государственные служащие. Как уберечь их от соблазнов коррупции? 29,6% экспертов высказались за положительное значение воспитательной работы в сдерживании коррупционных потенций служащих и столько же получено отрицательных заключений. Не ожидается многого и от так называемого этического кодекса государственного служащего: только 26% экспертов признали большое значение этой меры против почти 40% лиц, не признающих ее целесообразность.

Тем не менее идею воспитания государственных служащих отбрасывать не следует. Служащего воспитывают связанные со службой социальные условия, организация порядка деятельности и морально-психологическая атмосфера служебной жизни. В этих направлениях и фокусируются заключения экспертов.

Практически все эксперты (86%) отметили, что одно из ведущих мест среди наиболее эффективных мер в борьбе с коррупцией на государственной службе занимает обеспечение высоких социальных гарантий государственным служащим. Действительно, *государственная служба должна привлекать людей, а служащие — дорожить честью принадлежности к социально престижному профессиональному корпусу*.

Существенное значение, по мнению экспертов, в предупреждении коррупции имеет более четкая

правовая регламентация исполнения служебных обязанностей (около 60% утверждений). Там, где обеспечен порядок и регламент служебных отношений, заметнее факты превышения должностных полномочий или пассивности в их реализации, в том числе в корыстных целях, эффективнее служебный и социальный контроль.

На мой взгляд, существует необходимость признания того, что ни в государственной системе, ни в обществе, как в масштабах страны, так и в отдельных регионах, невозможно преодоление коррупции без решения основных проблем современного российского общества.